

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В НОЭМАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ РЕЛЯТИВНЫХ ЧАСТИЦ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Маркосян Г.Э.¹, Лизенко И.И.¹

¹ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия (355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина 1/А (корпус 1), e-mail: galia22@mail.ru

Целью данного исследования является анализ этноспецифических особенностей передачи прагматического потенциала, а именно иллокутивно значимых компонентов, в ноэматической структуре релятивных частиц в английском и русском языках, на базе их компаративного сопоставления. Для реализации избран ноэматический анализ иерархической структуры с учетом констант субъективности, модальности, интенциональности и ситуативности с привлечением описания переводческих трансформаций, для более детального прояснения различий в сравниваемых лингвокультурах. Постулируется релятивная значимость частиц как маркеров эмотивности и модальности высказывания безотносительно к их степени задействованности в речевых актах или же к компонентам их структуризации. Сильное расхождение в способах реализации прагматического потенциала частиц в английском и русском языках объясняется именно различием в структурных типах «партиклевых» и «слабопартиклевых» языковых систем.

Ключевые слова и фразы: частица, переводческие трансформации, прагматический потенциал, иллокутивная цель, коммуникативный эффект.

PECULIARITIES OF PRAGMATIC POTENTIAL REALIZATION IN NOEMATIC STRUCTURE OF RELATIVE PARTICLES IN ENGLISH AND RUSSIAN

Markosyan G.E.¹, Lizenko I.I.¹

¹North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia (355009, Stavropol, Pushkin ast. 1/A (building1), e-mail: galia22@mail.ru

The article is devoted to the comparative juxtaposition analysis of ethnospecific peculiarities typical of pragmatic potential realization, namely illocutively relevant components, in noematic structure of relative particles in English and Russian. To further specify the differences in relevant linguocultures the noematic analysis of hierarchical structure with reference to subjectivity, modality, intentionality and situationality constants, as well as the description of translation transformations, is employed. Relative significance of particles as emotivity and modality markers within the proposition regardless of the extent to which they are employed in speech acts or the components of their structure is stated. Considerable difference in the ways the pragmatic potential of particles is realized in English and in Russian is accounted for divergence in “particle” and “weakly particle” language systems.

Keywords: particle, translation transformation, pragmatic potential, illocutionary purpose, communicative effect.

Употребление релятивных частиц в высказывании связано в большей части с прагматическим аспектом коммуникации, оно отражает преимущественно этноспецифические принципы функционирования национального языка в рамках определенной лингвокультуры. Релятивные частицы способны выражать отношение говорящего к адресату, описываемой ситуации или к данному высказыванию, т.е. их иллокутивная и коммуникативная составляющая не всегда четко определяются в ткани текста, но всегда явствуют из ситуации семиозиса. Таким образом, невозможно отнести подобные релятивные частицы (первичные, или простые) к разряду речевых актов или же к компонентам их структуризации, а значит, сами по себе они не задействованы в формировании

и наполнении коммуникативной модели – в этом случае они предстают лишь в качестве маркера её эмотивности. Например, в качестве аргумента данному постулату можно привести отсутствие иллокутивных компонентов у первичных релятивных частиц, вне рамок их действия в качестве релятивных составляющих речевого акта, следующие: 1) не существует ни словарной дефиниции, ни имманентного способа определения, как и в какой ситуации следует использовать ту или иную частицу; 2) существуют практически непреодолимые проблемы в процессе передачи простых частиц в косвенной речи, невозможно определить рефлексивную составляющую коммуникативной ситуации. Одной из важных особенностей релятивных частиц является способность передачи скрытой семантики, которая понятна для всех носителей языка и в то же время труднодоступна для иностранцев, что свидетельствует о строгой этноспецифичности ноэматической структуры подобных речевых единиц.

В словаре лингвистических терминов под редакцией Д. Э. Розенталя частицы трактуют как «...разряд служебных слов, которые придают дополнительные смысловые или эмоциональные оттенки предложения отдельным словам».

Также Розенталь выделяет частицы, которые выражают смысловые оттенки слов в речи (ограничительные, неопределенные, указательные, усилительные, уточнительные), частицы, которые вносят в речь модальные и модально-волевые оттенки (утвердительные, отрицательные, вопросительные, модально-волевые, модальные, сравнительные и т.д.), а также частицы, которые вносят эмоционально-экспрессивные оттенки в речь (восклицательные, формообразующие и словообразующие частицы) [5].

В. Н. Жигадло разделяет частицы на четыре группы, согласно основным оттенкам значения, придаваемого частицами сопутствующим лексемам и в общем горизонтальном контексту. Данная классификация называется семантической, и именно этой классификации придерживается большинство российских лингвистов в настоящее время.

В английском языке к первой группе относятся модальные релятивные частицы, такие как отрицательная частица *not* и отрицательно-усилительная частица *never*. Ко второй – частицы, уточняющие смысловые оттенки значения слов в речи, например, дополняющая частица *else* или ограничительная частица *only*. Третью группу составляют частицы, которые вносят в речь эмоционально-экспрессивные оттенки, как например, частица *simply*. И, наконец, к четвертой группе относится частица *to*, которая выполняет формообразующую функцию [4, с. 210-214].

Транспаренция семантических обертонов, содержащихся в общей структуре частиц, напрямую связана с прагматическими аспектами. Прагматический потенциал является важной частью содержания сообщения, так как целью каждого высказывания является

реализация некоего коммуникативного эффекта. Поэтому прагматика является очень важной составляющей порождаемого продуцентом текста, но не менее важным аспектом представляется декодирование этого эффекта реципиентом текста. Следовательно, продуцент должен стремиться достичь воздействия на рецептора в зависимости от иллюкативной цели производимого текста, либо воспроизводя изначальный, понятный всем членам лингвокультурного сообщества, либо видоизменяя, трансформируя прагматический потенциал той или иной частицы.

Существует разделение национальных языков на «партиклевые» (от слова *particle* – частица) и «слабопартиклевые». Русский язык относится к партиклевым языкам, так как он обладает развитой системой частиц. Английский язык, в свою очередь, относится к слабопартиклевым языкам. Это значит, что в английском языке нет тенденции к выделению частиц в отдельный пласт лексики. Количественная несопоставимость частиц в русском и английском языках объясняет некоторые сложности, возникающие в реализации, например в английском языке, тех же граней смысла, что и в русском, – это относится, прежде всего, к обертонам смысла, реализуемым релятивными частицами в определенной ситуации семиозиса. Таким образом, сопоставительная часть сравнения речевых реализаторов скрытых смыслов представляется весьма сложной задачей и требует привлечения нетривиального подхода, для этих целей наиболее интересным является метод ноэматического анализа смысловой структуры, предложенный С.Н. Бредихиным в монографии «Ноэматическая иерархия философского текста в аспекте смыслопорождения и интерпретации»: «Ноэматический анализ распределения архетипических элементов по поясам МД (в данном случае ноэма будет выступать в качестве вербализованного или имплицитного продукта рефлексивного мышления) дает возможность учитывать и диалектический, лингвокультурный, универсальный статус той или иной языковой единицы с опорой на ноэматику» [2, с. 103].

При сравнительном анализе адаптивных возможностей различных элементарных квантов семантической структуры частицы, следует учитывать именно сопутствующие константы, а именно – вычленять интенцию автора, производить структурный анализ модальных компонентов высказывания и компонентный анализ речевой ситуации, в которой производится тот или иной отрезок текста. Основными предпосылками для раскрытия функционального прагматического потенциала релятивных частиц как неких функциональных полей в их вариантных (актуальных) значениях эмоциональной нагруженности, апеллятивного компонента в строго очерченном контексте будут: формально-логическая и структурная делимитация и дефиниция комплекса, относящегося к частице, применение психолингвистического подхода к анализу различных типов

апеллятивных и эмотивных действий автора в процессе порождения высказывания и фактор «концептуально-валерной системы» [1] как продуцента, так и реципиента текста, что неизбежно ведет к априорному использованию единообразного языка как инструмента формального описания и выражения. Применение методов компаративистики в анализе структурных типов номинативных иерархий подобных единиц наиболее ярко проявляется при исследовании переводческих трансформаций в сфере семантики релятивных частиц в сравниваемых языках с целью выявления контекстуальных эквивалентов в сравниваемых текстах, и поиска аналогов и адекватных замен вербализаторов исходного языка средствами переводящего. Эти процессы необходимо учитывать как при декодировании, так и при перекодировании в новом лингвокультурном пространстве, ведь «порождение адекватного распределенного смысла при декодировании предполагается лишь в условиях адекватного и эффективного декодирования исходного определенно-смыслового текста» [3, с. 66].

В итоге, коммуникативный эффект в перекодированном тексте должен быть тождественен коммуникативному эффекту, производимому в исходной лингвокультуре на носителей исходного языка, а процентные соответствия в формальном выражении и структурном типе частиц, или же их различия, и будут тем самым показателем этноспецифичности реализации прагматического потенциала в разноструктурных языках.

При подборе функционального эквивалента в различающихся лингвокультурах необходимо учитывать принцип естественности оформления той или иной конструкции, возможности встраивания в тот или иной контекст, который может привести к сужению круга эквивалентных единиц в сравниваемых языках. То есть следует использовать средства и структуры языка, воспринимаемые носителем языка как обычные в данной речевой ситуации.

Мы вынуждены подчеркнуть, как уже упоминалось, количественную несопоставимость частиц в русском и английском языках и из-за несовпадения экстралингвистической информации, имеющейся в наличии у носителей сравниваемых языков, это происходит именно из-за различий в структурных типах «партиклевых» и «слабопартиклевых» языковых систем.

Однако наиболее интересным представляется не столько сравнение самих языковых систем, сколько вычленение и сравнение прагматической доминанты, реализуемой релевантными частицами в высказывании, т.е. делимитация смысловых квантов в структуре частиц, в этом процессе существенную роль может сыграть приемы перевода высказываний, содержащих релевантные частицы. Проанализировав некоторое количество текстовых блоков, мы закономерно приходим к выводу о необходимости учёта прагматического потенциала исходного высказывания, при его воспроизведении без трансформации, или с

использованием трансформаций, вызывающих качественные имманентные ноэматические изменения и формальное формоизменение, для реализации в принимающей лингвокультуре тождественной эмоциональной (в большинстве случаев с релятивными частицами) реакции реципиента, являющегося носителем иной языковой и культурной и собственной «когнитивно-валерной» системы, целевого речевого произведения. В данном случае первостепенное значение имеет принцип естественности звучания того или иного партиклевого звукового образа как в исходном языке, так и его эквивалента (данный термин избран с известной долей погрешности, мы имеем ввиду, прежде всего, функциональную эквивалентность) в принимающем языке.

В настоящем исследовании мы кратко остановимся только на одной из эмотивных релятивных частиц английского языка *Oh* и дадим анализ степени соответствия функциональных эквивалентов русского языка. Говоря непосредственно о частице *Oh*, в первую очередь в процессе трансляции высказываний, содержащих данную частицу, вербализованную первичным междометием, необходимо учитывать основную функциональную доминанту данной единицы, которая, однако, не всегда явственно следует из самого содержания окружающего контекста, а должна быть выявлена при помощи «константы фоновых знаний реципиента» [2]. Как известно из практики, при трансляции частицы *Oh* в русскую лингвокультуру, переводчик-интерпретатор использует прагматические буквализмы, то есть такие слова, как *Ox* или *O* вместо функциональных эквивалентов. Большинство лексикографических источников, в свою очередь, предлагают в основном варианты *O!*, *Ax!* или *Ox!*, которые не всегда будут являться эквивалентными.

В проанализированных в данной работе примерах переводчик-интерпретатор в большинстве случаев изыскивает в принимающей лингвокультуре авторские окказиональные соответствия, которые пренебрегают в угоду функционалу английской частицы *Oh* её формальной структурой. Так, например, для воспроизведения в нижеследующем высказывании функциональной доминанты раздражения, вместо маркированной в принимающей лингвокультуре единицы *Ox*, которая не содержит в своем ноэматическом составе квантов негативного отношения, сожаления и досады, интерпретатор использует соответствие *ой*, вводя его в соответствующий горизонтальный контекст, лексическое наполнение которого несет отрицательную семантику и имеет вышеозначенный ноэмный состав:

“Oh come!” said Pippin yawning. [7, с. 1208]– Ой, да ну вас! – сказал Пипп, зевая. [6, с. 936]

В другом примере, с целью воспроизведения функциональной доминанты интенсификации утверждения, переводчик использует прием переводческой компенсации,

заполняя пробелы в нозматической структуре функционала английской релевантной частицы *Oh* при помощи других лексических единиц и образных приемов, как то, лексический анафорический повтор, введение разговорных элементов и *figuraetymologica*, избегая тем самым необходимости поиска функционального эквивалента вербализованного в той же форме, что и в языке исходного высказывания, что существенно облегчает задачу как по транскодированию исходного смысла, так и по декодированию итоговой информации.

Oh yes, I know! I know where it comes from. You would not give a pipeful to a beggar, would you? [7, с. 1188] – **Знаем, знаем, откуда он у вас. Отсыпьте шепотку бедняге нищоброду, а?** [6, с. 920].

В следующем примере функцию выражения вызова, реализуемую в исходном высказывании только английской релевантной частицей *Oh*, интерпретатор в русской лингвокультуре может воспроизвести, только прибегнув к множественным трансформациям формальной структуры высказывания с помощью множественного вариантного соответствия *Ax* и использования особо стилистически маркированной лексики.

“Oh have they? I’ll learn them,” came Butterbur’s voice, and out he came with a rush, and he had a club in his hand [7, с. 1197] – **Ах, воротились? Ну, яим сейчас покажу!** – *Это послышался голос Наркисса, и сам он тут же появился с дубинкой в руке* [6, с. 926].

В целом, анализируя то ограниченное число вышеприведенных аналоговых функциональных соответствий, которые представляют собой сильно сокращенную выборку определенных в результате исследования трансформаций, мы можем прийти к выводу, что релевантные частицы, входящие в разряд служебных слов и вербализуемые в речи в основном междометными и релятивными комплексами, придают особые эмоциональные или смысловые оттенки и обертона как отдельным лексемам в высказывании, так и высказыванию в целом. Одной из характерных категориальных особенностей релевантных частиц, выраженных первичными простыми междометиями, является их полифункциональность, которая наиболее ярко проявляется в процессе интерпретативного перевода. Кроме того, многие релевантные частицы в сравниваемых лингвокультурах несут особую скрытую семантическую окраску, благодаря введению в их нозматическую структуру компонентов, не присущих им ранее, что может быть объяснено с помощью введения в компонентный и нозматический анализ констант ситуативности, модальности, субъективности, которые зависят от горизонтального (текст творит сам себя) и в не меньшей степени от вертикального контекста.

Как показывают наблюдения подбор полного эквивалентного соответствия той или иной частице в сравниваемых языках оказывается невозможным, ведь к нему применяются не только требования формального соответствия, но и требования в соответствии норме и

узусу принимающей языковой системе, а также принципу естественного звучания, да и вычленяемость компонентного ноэматического состава должна не перегружать реципиента, а быть легко воспринимаемой и адекватной. Следовательно, у частиц нет постоянно повторяющихся закономерных соответствий, даже в том случае, когда учитывается какая-либо определенная функция.

Из этого можно сделать вывод, что необходимым следует признать сильное расхождение в способах реализации прагматического потенциала естественно воспринимаемых в английской и русской лингвокультуре релятивных частиц, с возможностью их часто однократного применения в смысловом аспекте к конкретному контексту и культурологическим особенностям, при этом полноценная передача всех семантических обертонов, которые несет в себе частица в той или иной лингвокультуре, очевидно невозможна без структурных трансформаций ноэматической иерархии.

Список литературы

1. Бредихин С.Н. Ноэматическая иерархия философского текста в аспекте смыслопорождения и интерпретации: монография. – Ставрополь: РИО ИДНК, 2014. – 392 с.
2. Бредихин С.Н. Константы интенциональности, субъективности и модальности в герменевтическом понимании смысла // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 3 (44). – С. 54-58.
3. Бредихин С.Н. Переводческие трансформации при интерпретации окказиональных философских композитов структурирующих многомерный смысл // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2013. – № 9 (29). – С. 66.
4. Жигadlo В. Н. Современный английский язык / В. Н. Жигadlo, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. – 351 с.
5. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов [Электронный ресурс] / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/ch.php.
6. Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец: Трилогия. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 992 с.
7. Tolkien J. R. R. The Lord of the Rings. – Allen & Unwin, London, 1967. – 1215 p.

Рецензенты:

Бредихин С.Н., д.фил.н., профессор кафедры теории и практики перевода ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь;

Гусаренко С.В., д.фил.н., профессор, декан факультета филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.